

После описанных событий прошло уже больше года. Я давно вернулся домой. О Сабинянии – точнее – о точке на карте, где она когда-то находилась – я знаю теперь только из телевизора и интернета. Признаться, я бы предпочел и вовсе ничего не знать, так мне тяжело видеть и слышать о том, во что превратился мой потерянный рай.

После того, как я впервые пришел в себя в больнице, первый, кого я увидел, был Ержи. Его склоненное надо мной лицо его было покрыто заживающими ссадинами. С большим трудом, шаг за шагом, моя память восстановила все произошедшее. Только «размотка» воспоминаний шла с конца. Сначала я вспомнил страшные картины пожара. А потом, одно за другим – бегство внутрь Стены, потом нападение неизвестных людей, потом свадебный праздник. И лишь потом – наши нескончаемые походы туда-сюда с грудami поклажи. И люди – Треххвостый, Чит, Гор, Меб, Ру... Меб и Ру! Я чуть не подскочил, поняв, что они остались под Стеной. Что с ними?! Но Ержи не дал мне спросить. Оглянувшись по сторонам, он приложил палец к губам и мягко опустил меня на подушку.

- Я решил молчать о том, что мы там были. Подумай – может, и тебе так покажется лучше.

Оказалось, что пожарные, которые нас спасли, приняли нас за праздных туристов, ошивавшихся вокруг Стены. Таких и в прежние времена было полно, а в дни так называемого «сабинянского конфликта» число удесятерилось. Пока мы находились на экскурсии, интернет и СМИ бурлили сабинянской темой. Шли дискуссии – направлять за Стену гуманитарную миссию или нет, вправе сабиняне жить своей жизнью или их нужно спасать от самих себя и т.д.. Переломным моментом стал побег из-за Стены неких дезертиров, которые рассказывали в телекамеры всякие ужасы о нашей тоталитарной секте. Вспомнив переодетых шпионов на свадьбе, я понял, как легко было изобразить этих «дезертиров». Странно лишь, что на эту идею не наткнулись раньше. Короче, в новостях запестрели не очень убедительные лица якобы сабинян, обрамленные нелепыми псевдо-индейскими прическами. Они рассказывали, что за Стеной совсем нечего есть, что дети в очередной раз голодают и что жрецы закапывают десятки трупов в день. Наиболее разумная часть аудитории требовала доказательств, но наименее разумная (и наиболее многочисленная) сразу поверила на слово. В итоге идея отправки «экспертной комиссии» победила, и кортеж автомобилей в сопровождении журналистов двинулся к Стене. Но самые главные решения были приняты кулуарно. И пока интернет придирчиво следил за каждым шагом комиссии, некое вооруженное и хорошо подготовленное формирование без опознавательных знаков высадилось на сабинянском берегу. Состояло оно, как я понял, из бойцов спецслужб двух государств, которые граничили с Сабинянией и всегда высказывали недвусмысленное пожелание присоединить к себе спорную территорию. Прежде никому и в голову не пришло бы, что эти государства способны действовать совместно – так много у них было политических противоречий. Однако ради захвата Сабинянии они смогли совершить невозможное. И в ту ночь в лесу около свадебной поляны мы наблюдали невиданное единение прежних противников.

Спецназовцам никто не встретился, потому что перед тем все население организовано снялось со стойбищ и двинулось к Стене. Они шли за нами по пятам, и только диву давались, почему прежде такой воинственный народ словно бы отказывается их замечать. Достаточно было расставить дозорных на большом радиусе, и десант бы обнаружили. Бойцы были так озадачены странным поведением противника, что не решались нападать, а только шли следом. И лишь тогда, когда наши сами прижали себя к Стене, и выжидать больше не имело смысла, они решились атаковать. Как потом оправдывались премьеры государств-участников агрессии, десант требовался лишь для гарантии безопасности комиссии. «Кроме того, сохранялась опасность того, что участники тоталитарной секты под названием «Сабиняния» могут спровоцировать конфликт, рискуя жизнями женщин и детей». Поэтому, видимо, решено было спровоцировать конфликт первыми. Нет, я готов подтвердить, что первый выстрел был с нашей

стороны, а не от спецназовцев; но разве с точки зрения международного права государство, на территорию которого вторглись посторонние лица с оружием, не имеет право защищаться? Впрочем, об этом противоречии решили не вспоминать. Фэйковые «сабиняне» дополнительно подогрели гнев общественности, намекнув, что жрецы то ли думают убить пленных, то ли уже убили. Ну а потом, когда это оказалось ложью, да и сами «беглецы из-за Стены» куда-то растворились, инициаторы нападения предпочли обходить неудобные вопросы молчанием. Тем более, что дело было уже сделано. Сабиняния исчезла вместе со всеми жителями.

Когда я осознал это, сердце мое словно оторвалось от груди и ухнуло куда-то в пустоту. Их больше нет, они все погибли! Как такое возможно? В ответ Ержи лишь отвел глаза. Я понял, что он уже пережил этот ужас, и теперь ему немного легче – хотя бы оттого, что он занят утешением друга.

- Они знали, что погибнут? – прошептал я.

- Наверняка. Они к этому сами стремились. Вывели нас и других экскурсантов – и подорвали все бомбы.

Да, вот что спровоцировало пожар – бомбы. То, что мы видели на фоне ночного неба, было одновременной детонацией тысяч мощных боезарядов, которые, оказывается, были заложены под Стеной с момента ее постройки. Точнее, следует сказать «наверное заложены», потому что теперь об этом можно только гадать. Массовый самоподрыв свидетельствовал в пользу теории о деструктивной секте. А то, что сабиняне не были несчастными жертвами, доказывала гибель пары десятков спецназовцев, оказавшихся слишком близко от Стены. Они уже объявлены героями; по официальной версии, они пытались спасти женщин и детей, которых жрецы и солдаты заталкивали внутрь насильно. Узнав об этом, я в первую минуту хотел вскочить и, несмотря на слабость в теле, бежать рассказывать всем правду; но, увидев Ержи, грустно качающего головой, остановился.

- Они все равно нам не поверят, – сказал он. – Скажут, что сабинян вели в Стену под гипнозом. И тут трудно спорить, потому что в тот вечер и мы с тобой были под гипнозом, разве не помнишь?

Это было другое, хотел воскликнуть я, но промолчал. Да, со стороны все будет выглядеть именно так. Что бы мы не сказали, это будет использовано против сабинян. Теперь я понял, почему Ержи промолчал.

- Никто не спасся? – только и спросил я.

- Никого не нашли. Сам понимаешь, какая там была мощность взрыва. И температура пламени. Нашли несколько фрагментов костей, и все. Остальное перегорело в труху. Загадка, где и каким образом первые сабиняне нашли столько боеприпасов. Уже появилась версия, что во время рытья тоннелей они напоролась на немецкий склад времен Второй мировой войны. Это реалистично, потому что немцы здесь были, и любили использовать старые каменоломни, которых тут тоже было навалом еще со средневековья.

Каменоломни? Об этом я не знал. Впрочем, в нашей сабиняноведческой традиции не было информации даже о подземельях. О них знали только экскурсанты разных лет, которые помалкивали.

- Когда спасатели нашли эти подземелья, то сразу оказалось, что предания о каменоломнях в этом районе существовали, но никто из историков не знал, где именно они находились, потому что входы давно были замурованы. Должно быть, первые сектанты случайно раскопали их и

решили использовать. А мы-то гадали, как они смогли построить целый подземный город кирками и лопатами. На самом деле, им пришлось только подновить ходы, и вывести их на поверхность. Основное было построено задолго до них.

Я грустно усмехнулся.

- Выходит, они унаследовали инфраструктуру нацистской Германии?

- Все верно. Сейчас этот факт все мусолят, называя их чуть ли не идейными фашистами. И знаешь, кто подливает масла в огонь, рассказывая о «противоречивой сабинянской идеологии»? Марк!

- Марк?! Значит, он выжил?

- Да, разумеется. И Марино тоже. Они пришли в сознание еще раньше меня, и сразу признались, что были на экскурсии. Поэтому их взяли в оборот, перевезли в какую-то дорожную клинику, и теперь по телеку и в интернете регулярно появляются их интервью. Не сказать, чтобы Марк ругал сабинян - нет. Но ты же помнишь, он такой идейный демократ-антифашист, да к тому же еще и еврей. И он, конечно, не смог заставить себя скрыть правду, черт бы его побрал... А кое-какую правду следовало бы скрыть, как ты понимаешь. Но Марк рассказывал все по порядку, и хорошее, и плохое. И про расизм, и про негров, которые-де близки к животным, и про то, что в Сабинянии культ силы и здоровья, и слабым тут позволяют умереть, потому что так хочет Сабина, и все такое прочее...

- Погоди, но ведь это не совсем так! На самом деле...

Тут я задумался. На самом деле мне было трудно объяснить сабинянскую мораль даже самому себе, не то что другим. Я понял, что и у Марка та же проблема. Поэтому он просто рассказывает по порядку все, что видел и слышал.

- И очерняет наших друзей.

- Увы, да.

- А остальные экскурсанты? Они спаслись?

- По телевизору я видел Йоки и Тима. Похоже, их, как и нас, приняли за туристов, которые бродили снаружи Стены в надежде сфотографировать на крыше живого сабинянина... В репортаже их показали на больничной койке, но с ними все было в порядке. И так как у них никто не берет интервью, я догадываюсь, что они тоже решили себя не выдавать.

- А Ченг? Он погиб?

- Ченг? О, он оказался суперживучим. В ту ночь ему прострелили ногу. От боли он упал без сознания. Потом десантники спасли его, утащив подальше от пылающей Стены, а он после ругал их всяческими словами, называя главными убийцами Сабинянии.

- Но ведь так оно и есть.

- Верно. Хотя его они все-таки спасли. И Марию тоже.

- А Тошук?

- Его никто не видел. Скорее всего, сгинул вместе с сабинянами.

- И Эгр, и Чит, и Гор? И женихи с невестами? И Меб?

- И Ру. - Ержи горько покачал головой. - Они все остались под Стеной. Навсегда.

Через неделю меня выписали. Ержи к тому времени уже давно был здоров и жил в хостеле напротив больницы. Когда я впервые вышел на улицу, мне показалось, что я не видел города лет сто. Спросив себя, рад ли я возвращению, я, не задумываясь, ответил «нет». Вот только уходить теперь было некуда. Даже мечтать уйти - и то некуда. Наш странный, спорный, противоречивый рай исчез.

Еще когда я был на больничной койке, пришел какой-то полицейский офицер (судя по всему, невысокий чином) и опросил меня, записав ответы в блокнотик. Я сообщил ему ту версию, которую придумал Ержи - что мы с ним туристы, приехали специально поглазеть на сабинянскую Стену. Пошли ночью, потому что надеялись, что сабиняне будут под покровом темноты кого-то спускать вниз, и мы сфотографируем этот момент. В сети столько всего об этом писали... Ну а потом был взрыв, пожар, мы все побежали, а потом я упал и ничего не помню. Офицер записал подробно, но как-то устало: видимо, подобных зевак в ту ночь было спасено из-под Стены несколько сотен, и полиции уже надоело фиксировать одинаковые показания. Кажется, он даже по ошибке написал, что мы с Ержи - земляки. Меня кольнуло в сердце - я вспомнил, что точно такую же ошибку когда-то сделал Треххвостый. Теперь казалось, что это было очень давно.

Офицер пообещал, что свяжется с нами, чтобы еще что-то узнать, но так и не связался. Наши с Ержи телефоны сгорели вместе со Стеной, но, надо отдать должное социальной службе, нам быстро восстановили номера, выдав на первое время старенькие кнопочные аппараты. Ержи долго вертел свой в руках, будто не узнавая. Наконец он сказал, что был бы рад вообще никогда больше им не пользоваться. И компьютером тоже. Я возразил, что ведь его, наверное, будут искать родные. И правда, спустя всего полчаса позвонила его мать. Оказалось, она ничего не знала о том, куда именно уехал ее сын (Ержи скрывал правду, как и я, сочинив, что отправился в какой-то горный поход). Три дня назад он обещал выйти в зону досягаемости сотовой связи и позвонить, но не позвонил. Она уже хотела обращаться в полицию, но, слава Богу, он вдруг ответил. Правда, голос у сына какой-то странный. Ничего не случилось? Ержи сказал ей, что в горах нас застигла непогода, и мы просидели в палатке под перевалом лишние три дня. А удалось ли покорить ту вершину, о которой он так мечтал? Нет, печально сказал Ержи, не удалось.

Наконец, мы расселись по своим автобусам и поехали каждый своей дорогой. Никогда прежде путь домой не был таким тоскливым. Я понимал, что все лучшее в моей жизни осталось позади, и то, что я еще существую - лишь дань привычке. Но даже если бы я выпрыгнул из автобуса и побежал назад к морю, я не нашел бы там земли обетованной. Она теперь в прошлом, куда нет пути.

Казалось бы, я должен был жадно отслеживать все новости по сабинянской теме, но на деле это было последним, что мне хотелось заниматься. Мысль о том, что Сабинянии больше нет, что ее земля изуродована и растоптана, что по ней ходят чужие люди, была мне невыносима. Поэтому первое время по возвращении я боялся даже зайти в интернет - а вдруг в новостной ленте покажется знакомое слово? Сил хватало лишь на то, чтобы послушать или прочитать новости в пересказе Ержи. Он словно бы обезвреживал холодное оружие, которое они в себе таили, и после него они уже не могли пробить мне сердце.

Впрочем, все было предсказуемо, и я мог бы вообще ничего не читать. Сначала соседи Сабинянии, которые устроили ее разгром, с трепетом в голосе сообщили, что хотели бы

сохранить «приморский заповедник для всего человечества». Мол, они намерены оставить в неприкосновенности девственный лес и берег – в том числе, в память о тех неразумных, но искренних людях, которые берегли его целых пятьдесят лет и отдали за него свои жизни. Общественность, услышав об этом, одобрительно загудела. Но сразу обнаружились сложности. Во-первых, в пожаре погибло много леса. Ержи говорил, что выжгло полосу шириной в 2-3 километра по периметру Стены, как с внутренней стороны, так и с внешней. Больше всего пострадал лес к западу от двух секций, что спускались к морю: в ту ночь дул ветер с востока. Президент той страны, чьи леса пострадали больше, заявил о своем праве возместить их за счет оставшейся нетронутой сабинянской территории. Разумеется, второй президент не мог этот так оставить, и тоже заявил о своих правах. Начались долгие нудные переговоры, в результате чего было принято решение: бывшая территория Сабинянии делится надвое между двумя соседями, но это будет что-то вроде национального парка двойного подчинения. Общественность опять заплодировала. Однако выжженный лес все равно потерян, поэтому на его место будет «допустимо размещение рекреационно-познавательной инфраструктуры». Понятно, что сия инфраструктура будет «максимально бережно вписана в естественный ландшафт» и что «будут учтены все самые строгие требования к охране окружающей среды». Тут общественность насторожилась. В соцсетях появились проекты так называемого «туристического кластера национального парка «Сабиняния». Общественность возмутилась: использовать это название показалось кощунственным. Проектанты рассыпались в извинениях и название поменяли. Теперь нацпарк назывался «Дикое Средиземноморье». Получилось тяжеловесно, и парк все равно стали звать «Сабинянским». Что касается «рекреационной инфраструктуры», то сначала архитекторы представили коттеджный поселок из бунгало, внешне напоминающих сабинянские постройки. Они явно воспользовались рисунками Марка: прежде я нигде не видел столь детально прорисованных сабинянских домов. У Марка в блокноте их тоже не было, поэтому выходит, что он нарисовал их позже, уже по памяти. Уверен, что он сделал это не за деньги и не по заказу инвесторов «кластера»: просто творческий зуд заставил его выложить на бумаге все, что осталось в памяти. Конечно, проект мало походил на реальное сабинянское стойбище. Все постройки были раза в три больше и выше, и расположены намного чаще, чем в оригинале, что свидетельствовало о борьбе за коммерческую выгоду, но никак не за так чистоту первоисточника. Тут же появились многочисленные знатоки сабинянской культуры и искусства (некоторых из них я действительно знал по нашим пабликам, но полно было и совсем новых людей), которые взялись консультировать застройщиков. Вскоре первая очередь а-ля сабинянских гостиниц, ресторанов, коттеджей выросла на месте сожженного леса. К парку провели несколько новых дорог, чтобы туристам было комфортнее добираться. Но на этом дело не остановилось. На берегу моря застройщики обнаружили жилища, вырубленные в скалах. Сразу возникла идея чего-то вроде «этнокемпингов» на месте рыбацких стойбищ. Тем более что нашлись и готовые садки для рыборазведения. Вскоре восторженные проектанты уже обещали угощение туристов «ценными породами рыб, выращенными по аутентичной технологии», а также «сабинянскую этнорыбалку» на каяках ручной работы. Здесь общественность забурлила. А как же неприкосновенность сабинянской природы, возмутились эоактивисты. Но ведь сабиняне тоже вылавливали рыбу, и немало, парировали инициаторы этнопарка. «В целях сохранения уникальной природы будут установлены строгие квоты вылова и разведения, которые не превысят соответствующие цифры во времена существования общины», заявили они. Откуда проектировщикам известны эти цифры, так никто и не понял. Впрочем, появился еще один аргумент, из-за которого общественности пришлось, скрипя сердце, смириться. Как только Стена пала и Сабиняния исчезла, на территорию устремились толпы диких туристов и просто любопытных. Все стремились первыми ступить на запретную землю и выложить в соцсетях сэлфи типа «я в Сабинянии». Если охранять сухопутный периметр худо-бедно удавалось – обгорелые руины Стены были достаточно сложны для незаметного проникновения – то на побережье ситуация быстро стала выходить из-под контроля. В акватории замелькали белые

пятнышки катеров и яхт. Предприимчивые судовладельцы начали высаживать на пляжи туристов. Модным мероприятием стал проход вдоль сабинянского берега на каяках, ночевка в скальных «гротах», как их называли, и фотографирование в псевдосабинянских костюмах. Разумеется, довольно быстро на девственных пляжах стал появляться мусор. Руководство парка попробовало было гонять туристов, но это быстро вызвало ответную реакцию: общественность заподозрила, что чиновники решили захватить нетронутые берега в свое личное пользование, и вскоре там появятся виллы всевозможных коррупционеров... Не сумев побороть хаос, пришлось его возглавить. Парк объявил об открытии собственных «резортов» на берегу, где все желающие могли бы насладиться нетронутой природой (впрочем, она быстро перестала быть таковой) за известные деньги и под строгим контролем. Это принесло плоды: мусор исчез, но берег оброс постройками (немногочисленных сабинянских пещерок для всех желающих не хватило) и наполнился гомоном и визгами отдыхающих.

Спасибо Ержи: он докладывал мне эти кошмарные новости ровным и спокойным голосом. И вместо истерики, которая неминуемо бы случилась, если бы я сам увидел все это по телевизору или в интернете, я принимал их со всем возможным смирением. «Это судьба, - думал я. - Она не хороша и не плоха. Это единственный путь, и с него не свернуть. Я волен страдать или не страдать из-за этого, но мой выбор ничего не изменит». А еще я думал, как на это смотрит богиня Сабина, если она существует. Но тут же возражал себе: нет, она должна была умереть вместе со своим миром. Она правила людьми, которые ее создали. Бог без верующих в него исчезает. Значит, лучше всего было забыть о Сабинянии, и озаботиться просто сохранением лесной территории, которая чудесным образом вдруг возникла посреди шумных средиземноморских курортов. Нельзя позволить людской жадности уничтожить этот дар! Это меня немного оживило. Я снова вышел в сеть, стал переписываться с коллегами по сабинянским пабликам. Но оказалось, что и задача-минимум - просто сохранить природу - была трудноисполнима. Незастроенный участок медленно, но верно сокращался. Отчасти это происходило из-за двойного административного подчинения парка. Каждое из двух государств-партнеров желало втиснуть на своей половине как можно больше построек, а лес сохранить за счет половины соседа. Но с таким подходом, понятно, ничего путного не получалось. Обе части дирекции постоянно ловили друг друга на превышении застроечных квот и иных нарушениях, а сами тем временем проводили все новые «экспертизы с привлечением авторитетных международных экспертов», чьи заключения разрешали им прирезать очередной кусочек леса к «туристическому кластеру». В какой-то момент появился проект экотроп - дорожек с деревянными настилами, которые должны были опутать своей сетью всю территорию. Сперва я обрадовался: страшно было подумать, как вытаптывали лес толпы отдыхающих в «кластере». Но оказалось, что экотропы ничуть не уменьшают человеческую нагрузку, а где-то даже увеличивают. Да - туристы теперь меньше ходили по земле, предпочитая удобное передвижение по настилам. Но если раньше большинство из них ограничивало свою «прогулку по девственной Сабинянии» вылазкой на ближайшую поляну и фотографированием (лазать по зарослям нравится, слава богу, не всем), то теперь люди сновали по всему лесу, оглашая окрестности стуком каблуков по доскам. Независимые ученые (не те, которые делали экспертизы для начальства парка, а действительно независимые) вскоре отметили уменьшение численности животных и птиц. Люди тревожили их абсолютно везде. Растениям тоже досталось, особенно красиво цветущим: как не строги были предупреждающие таблички, обещающие всякие кары за сбор цветов, публика постоянно выносила с троп упрятанные под одежду увядшие букетики. Кто-то предложил установить видеонаблюдение; соответственно, потребовалась и прокладка элетросети. Экотропы для этого пришлось немного расширить, сделав как бы параллельную, техническую тропу. Ну а коли уж появилось электричество, то грех не сделать освещение! В интернете замелькали красивые ночные фото с вертолетов: внизу, в темноте леса, ветвились белые прожилки, словно кто-то и впрямь накинул на Сабинянию плотную сеть, не давая убежать. Но этого я уже не видел, потому что после начала

строительства экотроп вторично, и уже окончательно, перестал следить за сабинянской темой, а выходы в интернет сократил до минимума.

- Не переживай ты так, - говорил мне по телефону Ержи. - Пойми, это уже не она. Ее действительно больше нет. Я даже имени ее не называю... Это как труп или кости умершего. Они же не являются тем человеком, который когда-то пользовался ими для жизни на Земле, верно? - Он осекся, потому что вспомнил то же, что и я - сабинянское пещерное кладбище и наши тогдашние разговоры. - Есть просто лес, который курочат какие-то уроды, - сказал он, помолчав. Но мало ли лесов, которые курочат уроды? Вполне себе девственных лесов. Амазонка там, Сибирь. Это - просто еще один такой лес.

Он снова умолк, потому что знал - как и я - что этот лес не такой, как все. У этого леса была душа, в которую были влюблены мы оба.

- Короче, тебе надо отвлечься. Можно, кстати, вписаться в борьбу за какой-нибудь другой лес, который еще можно спасти. У вас таких полно, да и у нас. Технику там останавливать, стволы деревьев обнимать, под трелевщики ложиться. Хоть почувствуем себя нужными.

- Да, наверное. Но мне кажется, я не смогу. Не потому, что боюсь лечь под трелевщик - хотя и боюсь, конечно. Но я просто я не вижу смысла в подобных действиях. За исключением того, чтобы почувствовать себя нужным. Но ведь это неправильно, верно?

- Как знаешь. Ну, давай хоть съездим куда-нибудь далеко, где есть еще дремучие леса. И где их не так рвут на части. У нас почти не осталось. Говорят, у вас есть.

И мы правда нашли такое место, и уехали. Ночами мы рыбачили на берегу маленькой вертлявой речки, зажатой в тиски стенами глухого бора, а днем валялись в палатке или у костра. Словом, вели себя как самые обычные офисные клерки, вырвавшиеся на свободу. Мы мало разговаривали, а еще меньше вспоминали вслух те несколько дней, что провели когда-то в другом лесу, далеко на юге, с видом на море. Интересно, думал я, сколько нужно времени, что мы начали не только жить, но и думать, мечтать, как обычные люди? Чтобы те несколько дней показались странным сном, уже исчезающим из памяти?

Потом мы вернулись - каждый в свой город, в свою квартиру и свой офис. Я немного успокоился - во всяком случае, через пару дней я уже без дрожи в пальцах решил открыть знакомый паблик и прочитать несколько заголовков на сабинянскую тему. Да, все верно. Отлегло. Ержи был прав. Сабиняния как будто отдалилась от меня, перестав наваливаться всей тяжестью, которая мешала дышать. Я прочел гневный пост Ченга - он, оказывается, стал теперь главным сабинянским ньюсмейкером. Горячо выступает против уничтожения территории. Бичует наглых коммерсантов, которые дорвались до заповедного леса. Что ж, молодец. Пожалуй, я напрасно был о нем дурного мнения. Ого, да его теперь цитируют везде. «Последний живой сабинянин» - так его нарекли журналисты. Видимо, Марк проявляется не так ярко. Вскоре я выяснил, что Ченг организовал и возглавил «Комитет памяти Сабинянии» и пишет книгу об этом уникальном феномене. Книга еще не вышла, и свои взгляды он излагает в многочисленных интервью и постах. Мария, как всегда, где-то рядом. Ее скупые сентенции тоже иногда проскальзывают. Марка комитет задвинул в коллаборационисты: считается, что он помогал застройщикам «этнопарка» своими рисунками. Понятно, что это полный бред. Однако сообщество сабинянолюбов, похоже, только разрослось. Теперь их объединяет светлая тоска по сгинувшему предмету любви. Мне кажется, это чувство более плодотворно, чем любовь к чему-то реально существующему. Теперь, когда настоящей Сабинянии нет, ее фанаты вправе представлять ее такой, какая она им больше по вкусу. Нет страха разочароваться, столкнувшись в противоречиями; тем более, что в светлых воспоминаниях Ченга противоречий

наверняка и нет. Опять-таки, когда предмет любви исчезает из списка живых, можно не опасаться, что ты никогда не заслужишь его внимания. В фанатском воображении Сабиняния будет всегда дружелюбной и лояльной к тому, кто желает по ней «фанатеть». Я узнал, что уже прошел первый сабинянский фестиваль, где участники (под чутким руководством Ченга) наряжались в обмотки, заплетали косички и стреляли из луков. Фанаты разобрали себе настоящие сабинянские имена, и щеголяют в пабликах под никами Тошука, Меб, Сота, Ру... Странно, но меня это не резануло в сердце, как бывало ранее. Сабиняния окончательно превратилась в сказку, в бесконечный материал для творчества. Уже звучат идеи создать «сабинянский лагерь», который жил бы в соответствии с традициями погибшей общины. Думаю, до этого дойдет.

Я осилил даже фото и видео этнопарка. К счастью, нашу Сабинянию я не узнал. Среди деревьев и домиков, сработанных в непонятном этническом стиле бродили влюбленные парочки, пенсионеры и мамы с детьми. Попадались и «фанаты» в аляповатых псевдосабинянских костюмах, жующие жвачку и попивающие воду из пластиковых бутылок. На одном фото мне бросился в глаза длинный и высокий вал, покрытый газонной травкой. Выяснилось, что это остатки Стены. Чтобы публика не лазала среди обломков, которые могли обрушиться, дирекция распорядилась засыпать ее толстым слоем земли. Вал повторял периметр Стены, а в одном месте вдавался внутрь небольшим каплевидным полуостровом – это была Библиотека. Ее тоже разрушило взрывом. Похоже, та же судьба постигла и сеть подземелий. Во всяком случае, продавцы этноуслуг почему-то не предлагали «увлекательных туров по загадочному подземному городу». Значит, благодетельная немецкая взрывчатка спасла их от любопытных глаз. И кости в пещерном кладбище наконец-то засыпало землей. Я грустно усмехнулся, вспомнив о компьютерных комнатах: они тоже погребены под завалами, словно какой-то древний артефакт. То-то, наверное, удивятся археологи будущего, когда раскопают подземные ходы и увидят небывалое сочетание – склады костей и ноутбуки. Правда, вряд ли от техники к тому времени что-то останется. Что бы там ни говорили, что пластик вечен, не думаю, что крошево из корпусов и микросхем обратило на себя чье-то внимание. Да и наверняка их расплавил взрывом. Сабиняния заботливо уничтожила почти все свои материальные следы, чтобы избавить нас и от тоски, и от бесплодной надежды. Ее больше нет. Сознание этого больше не приводило меня в отчаяние, но, напротив, сообщало душе какое-то непривычное умиротворение. Я оказался стоящим посреди белого поля, чистого листа – ни позади, ни впереди меня ничего не было. И именно сейчас, когда можно было ни о чем не сожалеть, не мечтать, никуда не стремиться, я начал возвращаться к себе самому. Прошлое лежало на дне души тихой, теплой грустью, которая больше не саднила, не доставляла боли. Я оглядывался по сторонам, словно был пришельцем в этом мире, и все казалось мне новым и приятным. Люди больше не раздражали меня оттого, что они – не сабиняне. Их было не с кем сравнить, небесный эталон исчез. Оказалось, что они тоже разные, симпатичные и не очень. Но главное, что есть и симпатичные, и на таких хочется остановить взгляд, перекинуться словом. Случалось, я часами бродил по городу, всюду разглядывая прохожих, наблюдая за ними в кафе, в магазинах, в парках. Это были те, с кем мне предстояло провести остаток жизни на одной планете. Я словно заново знакомился с ними. И, право, меня вовсе не огорчало такое соседство, даже наоборот.

Однажды я сидел в кафе и доедал сладкую булочку, запивая ее чаем. Время было обеденное, и свободных мест почти не было. Посетители скромно сидели, уставившись в свои чашки и тарелки, стараясь не задевать взглядами соседей. Повинуясь этому неписанному закону, я выбрал место за длинным столом так, чтобы напротив меня никого не было. Так же поступили и другие, и в результате сам собою возник шахматный порядок: у каждого из сидящих оказалось по двое соседей наискосок через стол. Это позволяло делать вид, что находишься в одиночестве. Но в какой-то момент я вдруг понял, что не один: человек, которых сидел

наискосок справа, разрушил свое одиночество и покушался на мое, настойчиво стучась взглядом. Делать было нечего. Я поднял глаза и... остолбенел. Это лицо я менее всего ожидал увидеть, и не только в декорациях городского кафе, но и где бы то ни было. Светлые волосы, частью заплетенные в косички, рассыпавшиеся по плечам. Близко посаженные серые глаза. И - она сразу вспыхнула, как только поймала мой ответный взгляд - широкая добрая улыбка. Не может быть, ведь это... Я быстро окинул взглядом его одежду - поношенная темная куртка, джинсы, футболка. Словно внизу был один человек, а сверху - другой. Но это был он, это был Эгр, Треххвостый! Правда, трех хвостов больше не было.

- Это... ты?

Эгр кивнул.

- Но как ты... Где... Как ты выжил?! Каким образом? И где остальные?

Эгр наклонился над столом, чтобы быть поближе, однако передвигаться на место напротив меня не стал.

- Остальных немного. Несколько человек не задело взрывом, и мы выбрались через подземный ход.

- А...

Я хотел сказать «а Меб и Ру», но Эгр предупредительно помотал головой.

- Нет. И те, кто остались, стали другими. Теперь у нас другие имена.

- Но как это - другими? Разве нет больше сабинян? Нет богини Сабины?

- Есть. Но наша земля погибла. Чтобы сохранить нас самих и нашу богиню, мы должны жить по-другому.

- Где вы теперь?

- По-разному и в разных местах. Но все равно мы все вместе.

Я протянул руку и потрогал пальцы Эгра. Они были теплыми, даже горячими.

- Сомневаешься, что я существую?

- Теперь нет... - Вдруг я вспомнил то, что давно-давно хотел спросить у него. - Скажи, почему вы сдали Сабинянию? Почему позволили врагам растоптать ее?

Он не опустил глаз, продолжая смотреть на меня спокойно и прямо.

- Это не мы сдали Сабинянию, а вы. Весь мир.

Я от удивления раскрыл рот.

- У нас не осталось сторонников, - продолжал он. - Прежде мы существовали лишь потому, что много людей за Стеной этого хотели. Мы были символом, мечтой, залогом чего-то светлого и правильного. На деле наша жизнь была отнюдь не сладкой, ты это знаешь. Непросто персонифицировать собою чью-то мечту. Но мы старались. Однако пришел момент, и мечта раскололась. Слишком много людей стали сомневаться, нужны ли мы, стоит ли того наша

жертва. С этого момента мы были обречены. Если бы в нас верили, то мы смогли бы отразить впятеро большую силу, чем та, что на нас напала. Понимаешь, мы же жили в Сабинянии не для себя, а для всех остальных. Чтобы у каждого в душе сохранялась надежда, что кто-то там, внутри Стены, своей жизнью возводит храм, на который у меня самого нет сил. Мы были как жрецы этого храма. Но люди отвернулись, храм стал не нужен. И он пал.

- Как же вы живете? Без храма?

- Кое-кому мы еще нужны. Пока такие остались, мы живы. Но их мало, поэтому и нас мало. Сейчас большинство людей довольны своей жизнью. А зачем храм, если все хорошо? Во всяком случае, зачем храм суровый и жесткий, который требует жертв?

Он умолк.

- Могу ли я встретиться с вами? С остальными? – несмело спросил я.

- Ты встретишься с нами, когда это снова будет тебе нужно. Пока что – сознайся себе в этом – ты примирился с жизнью и не хочешь перемен. Конечно, ты скучаешь по мечте, и временами тебе очень тоскливо. Но этого мало. Когда тоска одолеет тебя так, что ради избавления ты будешь готов принести в жертву все, что тебя окружает – тогда мы снова будем рядом. Но не раньше. Ты же сам знаешь, что Сабиняния – это вовсе не счастье. Это тяжелая ноша, которая помогает спастись от другого груза, еще более тяжкого. Но сейчас тебе легко. Поэтому я оставлю тебя. Возможно, навсегда. А возможно, что и нет.

Он неторопливо повернулся и встал. Я молча смотрел в тарелку перед собой. Слова его стучали в пустой голове, как долгий звон в колоколе. Краем глаза я продолжал следить за его фигурой – вот он подошел к стойке, чтобы расплатиться, задержался там, слился с группой людей, что высматривали на витрине пирожные... Я поднял взгляд. Где же он? Вот группа у витрины, вот стойка. Никто точно не отделялся от нее и проходил к дверям. Я бы заметил. Но среди стоящих у стойки Эгра не было. Не было его и среди сидящих за столами. Не было и среди официантов и барменов. Он просто растворился, словно и не приходил сюда. Я бросил взгляд на его место за столом. Там было пусто, и даже стаканчик из-под чая исчез. Напрасно я выбежал на улицу, напрасно заглядывал в глаза сотрапезникам, смущенным моим вниманием – Эгра не было нигде и не в ком.

«Когда тоска одолеет тебя так, что ради избавления ты будешь готов принести в жертву все, что тебя окружает», - повторил я и оглянулся вокруг. Весеннее солнце лежало яркими пятнами на полу, стенах и столах, обещая на улице еще больше себя – стоило только выйти за дверь. «Он прав», подумал я. Я встал, аккуратно составил на прилавок грязную посуду, расплатился и вышел.

...Конец...

<http://tl.rulate.ru/book/60095/1890156>